

ИСПЫТАНИЕ БОЕМ

Пусть то безымянное поле,
Где нынче пришлось нам стоять,
Вдруг станет той самой твердыней,
Которую немцам не взять.

Ведь только в Можайском уезде
Слыхали название села,
Которое позже Россия
Бородином назвала.

К. Симонов

I

Утро 16 октября на Бородинском поле начиналось канонадой неслыханной силы – словно бы немцы решили за один час расстрелять три суточных боекомплекта; будто им ни завтра, ни послезавтра делать будет нечего: сегодня все и кончится.

Однако за артподготовкой последовал еще и воздушный бомбовый удар: немецкие самолеты шли группами по 18 машин, шли на малой высоте, бомбы укладывали на давно разбитые, сгоревшие деревни – Бородино, Рогачево, Юдинки, Артемки, обе Ельни. Истребителей наших немцы не боялись: знали, что у нас истребителей нет; зенитный огонь ПВО их не очень беспокоил – при такой массе бомбардировщиков этот огонь не мог быть действенным и уж в любом случае не мог остановить бомбежку.

Бойцы валились на дно глубоких траншей, набивались под бревенчатые накаты, под бетонные колпаки ДОТов – переждать! Перетерпеть! Дождаться, когда пойдут их танки и пехота – и врезать за все сразу! [...]

БОРОДИНО. ПЯТЫЕ СУТКИ (с 17 по 18 октября 1941 г.)

«В этой последней отчаянной схватке (за Семеновские флеши) пал, пораженный смертельным ядром командир Ревельского полка генерал-майор Тучков, супруга которого впоследствии соорудила на свои средства, на месте его кончины, женский монастырь, которого была и первой настоятельницей».

«Отечественная война», кн. 2, С.287.

«По мере того, как подходили к Багратионовым войскам подкрепления, они шли вперед с величайшей отвагой, по трупам павших, для овладения утраченными пунктами. Русские колонны, на наших глазах, двигались по команде своих начальников, как подвижные окопы, сверкающие сталью и пламенем...»

Из воспоминаний Пеле, генерала армии Наполеона.

I

[...] Сумрачное утро 17 октября занималось на Бородинском поле под вой и рев пикирующих бомбардировщиков и непрерывный грохот снарядных разрывов. Полосухин оставался на КП дивизии, в Кукаринском лесу: вчера немецкие снаряды разворотили наблюдательный пункт, и восстановить его за ночь не удалось. Однако связь со всем батальоном действовала (кроме того, который сражался в окружении у Юдинки), и Полосухин знал, где что происходит. Очень быстро бомбежка дорожной насыпи – на станцию Бородино, и из горловины вчерашнего прорыва, от Ельни – на Псареву и Татарино, даже не в глубину, а за пределы обороны дивизии, много восточнее, с выходом за спиной обороняющихся к Можайску. И

одновременно с этими двумя ударами – третий: еще не успела смолкнуть канонада, как немцы двинули свой правый фланг – много южнее деревни Артемки, через Михайловское, через лесные дебри, напрямик к шоссе. Часть машин прорвалась через огненную завесу, сходу выскочила на первую полосу минных заграждений, поставленных саперами по распоряжению Полосухина еще позавчера.

Так велико было желание немецких танкистов вырваться, наконец, на шоссе, что первые взрывы их не остановили; а может, танкисты и не разобрали, что попали на минное поле – может, полагали, что их снова накрыли артогнем, от которого одно спасение – вперед, на батареи, и раздавить их гусеницами... Из этих двух десятков танков ни один не уцелел, не спасся, не уполз назад.

Второй, куда более мощный немецкий удар пришелся от Ельни и Утицы на север, через железную дорогу на Татарино и на северо-восток, на железнодорожную станцию Бородино.

Южнее Бородино, в километре, все еще стоял на позициях артдивизион капитана Зеленова – у подножья того самого кургана, на котором в 1812 г. располагалась 18-ти орудийная Курганная батарея, как ее тогда называли, или батарея Раевского, как стали называть позже. Генерал-лейтенант Раевский Н.Н. не командовал Курганной батареей, ему был отдан под начало 7-й пехотный корпус, 10 тысяч солдатских душ, и он держал правое крыло армии князя Багратиона, став своими двумя дивизиями между Семеновскими флешами и Курганной батареей.

Теперь, после пяти дней боев на Бородинском поле, капитан Зеленов и его батарейцы понимали, что артдивизион держит центр обороны дивизии; что если они не устоят, что и дивизия не удержится: ее разрежет, потом будут добивать по частям.. И высился за ними курган с памятником солдатам 24-й пехотной дивизии 1812 года...

Немецкие танки пошли двумя волнами, по 30 машин в каждой. Артиллеристы встретили их огнем прямой наводкой, за час боя сожгли 19 машин.

Пока дивизион вел огонь, держался и 2-й батальон 322-го полка, развернутый по приказу Полосухина фронтом на юг и этим огнем прикрытый. К 12 часам дня артдивизион Зеленова погиб – весь, и сам Зеленев погиб, сраженный осколком, а без артиллерийской поддержки стрелковый батальон не в силах противостоять массированным ударам оставшихся у немцев 40 танков и двух полков вражеской пехоты. Немцы перехлестнули через траншеи батальона, правым крылом добились того, что уцелело на батареях противотанкового дивизиона и, оставив у себя в тылу засевших в окопах бойцов 2-го батальона с капитаном Щербаковым – их будут добивать после! – разделились на две группы.

Те 20 танков и батальон пехоты, которые двинулись прямо на восток, от Бородино на Князьково, натолкнулись, неожиданно для себя, на 53-й зенитный дивизион капитана Е.М. Дерекко. Первые же выстрелы артиллеристов подожгли 6 машин. К этому моменту Дерекко уже снял с грузовиков крупнокалиберные пулеметы, установил их на станки, позволявшие вести наземный огонь, и прикрыл им свои фланги. Попытки немцев обойти дивизион ни к чему не привели: дальность стрельбы 85-ти миллиметровых зенитных орудий была достаточной, удары тяжелых снарядов сшибали башни, пробивали даже лобовую крупновскую броню. Немцам, когда они, наконец, поняли, что с этим дивизионом им не совладать, уйти не дали: расстреляли и все танки, и еще 2 бронемшины, и всю пехоту при них.

II

Прорвавшиеся у Бородино немецкие танки и пехота частью сил вышли в Кукаринский лес – прямо к командному пункту Полосухина.

Комдив действовал быстро и точно. У него при штабе был зенитный артдивизион, комендантская рота; с минуту на минуту должен был явиться «отряд майора Воробьева» - от него сейчас осталось всего-то человек сто, но эти люди из бывшего 3-го батальона и курсанты сражались бесстрашно,

дерзко, порой отчаянно, за ними так и осталось название «отряд майора Воробьева», и сами себя так называли: «мы из отряда Воробьева».

Зенитный дивизион открыл огонь на поражение, когда немецкие танки выкатились по дороге на край широкой поляны и стал явственно ощутим запах перегретого масла и бензинного перегара. Удары орудий из-за деревьев, из густого черного кустарника были для немцев внезапны и потому губительны. Танки двигались колонной, перестроиться для атаки на КП им просто не дали. Подоспевший от Артемок отряд майора Воробьева атаковал колонну из лесу, во фланг, забросал гранатами пехоту, от КП ударили бойцы разведбата и комендантской роты – разгром прорвавшейся группы был быстрый и полный.

Генерал Говоров о бое в Кукаринском лесу узнал сразу по докладу в штаб армии, спросил своего начштаба: «Думаете, Полосухин отобьется?».

Начштаба улыбнулся – улыбка вышла вымученная, одним уголком рта, глаза остались озабоченными: «На этот раз отобьется, но подкрепить его просто необходимо».

Говоров уточнил: «Полосухин просит поддержки?».

Начштаба промолчал, после минутной паузы объяснил: - От Полосухина просьб едва ли дождемся. Он и при Дмитрие Даниловиче ни о чем не просил...

Говоров прикинул: «Может дать батальон пехоты из 50-й дивизии, дивизион эрэсов. Поможет ли это Полосухину продержаться до истечения дня?».

- Безусловно. Но что потом?

-Пока распорядитесь об отправке подкрепления, потом продолжим.

«Продолжение» было такое: Говоров велел готовить приказ по армии – на ноль часов 18 октября 1941 года 32-й дивизии скрытно выйти из боя, оставить занимаемые позиции и переместиться в течение ночи на правый фланг армии, за Москва-реку, на рубеж Аксеново-Тихоново. Здесь укрепиться и держать оборону. [...]

БОРОДИНО

[...] Из Берлина в штаб 4-й танковой группы пришла газета «ФёлькишерБеобахтер» за 9 октября 1941года. Она вся была пронизана победным ликованием, оптимизмом, уверенностью в скорой и полной победе. Передовая называлась «Военный конец большевизма». Сказано в ней было: «На этот раз принесены в жертву последние боеспособные советские резервы. Против победоносного и полностью боеспособного немецкого Восточного фронта стоят лишь совершенно непригодные для серьезных действий красные соединения... Приговор Советскому Союзу уже вынесен».

Генерал-полковник Эрих Гепнер, командующий танковой группой, сегодняшним боевым донесением из 40-го корпуса не был ни потрясен, ни даже обескуражен: он понимал, что первый день сражения на очередной – теперь Можайской – оборонительной линии не обязательно должен завершиться ее прорывом. Однако, некоторая настороженность все же проявилась; еще два дня назад и сам он, и офицеры его штаба полагали, что после окружения советских войск под Вязьмой и Калугой перед 4-й танковой группой – пустота. Однако перед его дивизиями вопреки ожиданиям появились танковые бригады; они и пехотные части русских перегораживали все шоссейные дороги к Москве; они держались, даже контратаковали, потом отходили, чтобы снова стать на очередной отсечной позиции. Их было мало и они были слабы, что бы совсем остановить его корпуса, они лишь сдерживали продвижение и Гепнер не мог понять во имя чего русские жертвуют собой?

После сегодняшнего боя на Можайской линии он, кажется, начал понимать тактику русских: 19-я танковая бригада и русская пехота, которые сдерживали продвижение передовых частей 40-го корпуса на Можайск, после взятия Уваровки танковой дивизией СС «ДасРайх» просто ушли. Ушли, выполнив свою задачу: они дали развернуться новой дивизии русских. И сегодняшний бой показал, что боеспособные дивизии у Красной Армии еще есть, еще существуют. И если завтра эту дивизию не удастся ни

окружить, ни разбить, если она продержится еще день, или два, или три – сколько новых дивизий подтянут русские из своего необъятного тыла?

Генерал Штумме доложил, что путь на Москву перед Можайском перегородила 32-я дивизия с Дальнего Востока, что по словам пленных, дивизия считается боевой и что именно она разгромила японцев на озере Хасан. Из этого генерал Штумме сделал вывод: хватит тешить себя мыслью, будто с русскими уже покончено. Завтра он будет наступать так как положено наступать танковому корпусу на позиции серьезного противника.

Сегодня русские нигде не дали ни его танкам, ни пехоте даже приблизиться к своим траншеям. Их артиллерия была в высшей степени эффективной. [...]